

Два «воображаемых» разговора Пушкина Игорь Немировский (Санкт-Петербург)

8 сентября 1826 года, после разговора императора Николая с Пушкиным, закончилась его ссылка. С этого момента изменился не только статус Пушкина, стала меняться его социальная роль: из поэта-бунтаря, ссыльного, друга декабристов и т.д., на глазах у изумленных современников он стал превращаться в «друга монархии», свободного не только от полицейского надзора, но и, как опрометчиво показалось в тот момент, от цензуры. Роль эта была непривычна для автора «Кинжала» тем более, что еще незадолго до судьбоносного сентября, 14 августа 1826 г., оправдываясь перед Вяземским за «холодность и сухость» письма, адресованного императору, Пушкин писал, что «иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь <после казни декабристов. — И. Н.> у меня перо не повернулось бы»¹. Но вот проходит меньше месяца, и, как свидетельствует современник, «государь принял его <Пушкина. — И. Н.> с великодушной благосклонностью, легко напомнил о прежних проступках и давал ему наставления, как любящий отец»². Мнение о том, что Пушкин «осыпан милостивым вниманием» императора, расходится настолько широко³, что поэт был вынужден объяснять как публике, так и самому себе, что эти «милости» не были получены в результате моральных уступок с его стороны.

Между тем определенная двойственность в поведении поэта по отношению к власти имела место на протяжении всего последнего года пребывания его в Михайловском. Так, с одной стороны, в письмах к друзьям Пушкин подчеркивает свою близость к декабристам: «Что делается у вас в Петербурге? Я ничего не знаю, все перестали ко мне писать. Верно вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит» (П. А. Плетеневу, вторая половина января — XIII, 256); «Мне сказывали, что А. Раевский под арестом. Не сомневаюсь в его политической безвинности <...> Узнай, где он и успокой меня» (А. А. Дельвигу, двадцатые числа января 1826 г. — XIII, 256); «Ты можешь требовать от меня свидетельств об этом новом качестве. Вот они. В Кишиневе я был дружен с маиором Раевским, с генералом Пушциным и Орловым. Я был массон в Кишеневской ложе, т.е. в той, за которую уничтожены в России все ложи. Я, наконец, был в связи с большей частью нынешних заговорщиков» (В. А. Жуковскому, двадцатые числа января 1826 года — XIII, 257); «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова» (Вяземскому, 10 июля 1826 — XIII, 286).

С другой стороны, Пушкин делает попытку определенным образом дистанцироваться от заговорщиков в глазах правительства: «Я нижеподписавшийся <...> свидетельствую, что ни к какому тайному обществу не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них» (Николаю I, 11 мая 1826 года — XIII, 284). Эта внешняя двойственность в поведении поэта на самом деле отражала его достаточно последовательную тактику по оправданию в глазах правительства. Пушкин исходил из того, что его письма перлюстрируются (он основывался на своем прежнем жизненном опыте, считая ссылку в Михайловское следствием перлюстрации письма), при этом его беспокоило то, что официально к следствию его не привлекли; поэтому письма к друзьям, прежде всего к Жуковскому, Пушкин использует для оправдания в глазах правительства. Жуковскому это очень не нравилось, и он советует (а вслед за ним и Вяземский) обратиться «прямо». Но только тогда, когда стало ясно, что Следственная комиссия не нашла ничего, что могло бы свидетельствовать о фактической принадлежности его к движению декабристов, поэт обращается к императору непосредственно: «Ныне с надеждой на великодушие Вашего императорского величества, с истинным раскаянием и с твердым намерением не противуречить моими мнениями общепринятому порядку» (Николаю I, 11 мая — первая половина июня 1826 года — XIII, 283); одновременно — с просьбой вернуть сына — к императору обратилась мать поэта⁴.

Утверждение своей независимости, прокламация близости к декабристам, горькие сетования по поводу несправедливости и неправомерной тяжести наказания («шемякин суд») и просьбы о прекращении ссылки еще не создавали у современников впечатления непоследовательности и двойственности в поведении поэта. К тому же все это было достоянием самого узкого круга друзей. Однако Пушкин справедливо предвидел, что подобное впечатление может возникнуть у современников после его феерического возвращения из ссылки, поэтому буквально с первых часов своего пребывания в Москве он начал распространять несколько сюжетов о том, как он, поэт и друг декабристов, был спасен от участия в восстании и от ссылки силами судьбы, независимо от собственной воли.

1. Первый сюжет том, как Пушкин собирался посетить Петербург в канун восстания декабристов и как таинственные обстоятельства помешали ему это сделать. Непосредственно к Пушкину восходит версия М. П. Погодина: «Вот рассказ Пушкина, не раз слышанный мною при посторонних лицах. Известие о кончине императора Александра I и происходивших вследствие оного колебаниях о престолонаследии дошло до Михайловского около 10 дек. Пушкину давно хотелось увидеться с его петербургскими приятелями. Рассчитывая, что при таких обстоятельствах не обратят строго внимания на его непослушание, он решил отправиться в Петербург <...> Он положил захватить сперва на квартиру к Рылееву, и от него запастись сведениями»⁵. Придирчивый Вяземский в целом подтвердил версию Погодина, что означало, что и Вяземский слышал эту историю в том же виде, что и Погодин: «О предполагаемой поездке Пушкина инкогнито в Петербург в декабре 1825 года верно рассказано Погодиным в книге его

„Простая речь“. Так я слышал от Пушкина. Но, сколько помнится, двух зайцев не было, а только один. А главное, что он бухнулся бы в самый кипяток мятежа у Рылеева в ночь с 13 на 14 декабря: совершенно верно»⁶. В форме, претендующей на максимально точное воспроизведение пушкинского устного рассказа, воспоминания о несостоявшейся поездке поэта в Петербург содержатся в статье С. А. Соболевского «Таинственные приметы в жизни Пушкина»: «Вот еще рассказ <...> незабвенного моего друга, не раз слышанный мною при посторонних лицах. Известие о кончине императора Александра Павловича и о происходивших вследствие оной колебаний по вопросу о престолонаследии дошло до Михайловского около 10 декабря. Пушкину давно хотелось увидеться с петербургскими приятелями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят строго внимания на его непослушание, он решился отправиться туда; но как быть? В гостинице остановиться нельзя — потребуют паспорта; у великосветских друзей тоже опасно — огласится тайный приезд ссыльного. Он положил захватить сперва на квартиру к Рылееву, который вел жизнь несветскую, и от него застать сведениями. Итак Пушкин приказал готовить повозку, а слуге собираться с ним в Питер; сам же едет проститься с тригорскими соседками. Но вот, на пути в Тригорское, заяц перебегает через дорогу; на возвратном пути из Тригорского в Михайловское — еще заяц! Пушкин в досаде приезжает домой; ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, вдруг заболел белой горячкой. Распоряжение поручается другому. Наконец повозка заложена, трогаются от подъезда. Глядь в воротах священник, который шел проститься с отъезжающим баринном. Всех этих встреч — не под силу суеверному Пушкину; он возвращается от ворот домой и остается у себя в деревне. „А вот каковы были последствия моей поездки, — прибавлял Пушкин. — Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтобы не огласить слишком скоро мой приезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом; вероятно, я забыл бы о Вейсгаупте, попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые“»⁷. Этот рассказ прямо просится в «Случай» Хармса своим доведенным до абсурда правдоподобием. Между тем важные противоречия остались; так, необъясненной осталась решимость Пушкина приехать именно к Рылееву, с которым поэт был знаком только по переписке и у которого не был вообще никогда. Но, конечно, если бы Пушкин поехал бы не к Рылееву, а к любому другому из своих петербургских знакомых, весь рассказ потерял бы свою новеллистическую остроту и поучительность. В качестве побудительной причины, толкнувшей Пушкина на поездку в Петербург, Погодин и Соболевский называют «известие о кончине императора Александра Павловича и о происходивших вследствие оной колебаний по вопросу о престолонаследии», которое «дошло до Михайловского около 10 декабря». Между тем о смерти императора Александра, как это явствует из письма П. А. Катенину, Пушкин знал уже не позднее 4 декабря (XIII, 247). Тогда же он советуется с П. А. Плетневым о том, как «просить о въезде в столицы или в чужие края» (XIII, 248). Конечно, и речи не шло о самовольном приезде.

Оба приведенных выше рассказа восходят к Пушкину непосредственно и были услышаны Погодиным и Соболевским в первые месяцы или даже дни по возвращении поэта из ссылки.

Несколько иначе звучит рассказ о несостоявшейся поездке Пушкина в Петербург, приведенный Н. И. Лорером со слов Льва Сергеевича Пушкина:

«Однажды Александр Сергеевич получает от Пушкина из Москвы письмо, в котором сей последний извещает его, что едет в Петербург и очень бы желал увидаться там с Александром Сергеевичем. Не долго думая, пылкий поэт мигом собрался и поскакал в столицу. Недалеко от Михайловского, при самом почти выезде, попался ему по дороге поп, и Пушкин, будучи суеверен, сказал при сем: «не будет добра!» и вернулся в свой мирный уединенный уголок. Это было в 1825 году и Провидению угодно было осенить своим покровом нашего поэта. Он был спасен» (Н. И. Лорер со слов Льва Пушкина)⁸. Этот рассказ Лев Пушкин мог услышать не ранее 1829 г., когда братья впервые увиделись после пяти лет разлуки. Возможно даже, что Лев Сергеевич знал о несостоявшейся поездке в Петербург старшего брата не только и не столько от него самого, поскольку его версия рассказа отличается от тех, которые исходят от Пушкина непосредственно: в последних отсутствуют упоминания о письме Пушкина как о побудительной причине поездки поэта в Петербург.

Лев Пушкин делает попытку объяснить странное и иначе ничем не мотивированное решение ехать в Петербург письмом Пушкина. Но Пушкин сам приехал из Москвы в Петербург только 8 декабря⁹, тогда как для того, чтобы письмо от него дошло до Михайловского не позднее 10 декабря (в противном случае Пушкин не успел бы приехать в Петербург до восстания), оно должно было быть отправлено из Москвы не позднее 20 ноября (письма из Москвы в Михайловское шли около двадцати дней, из Петербурга — не менее десяти), а из Петербурга не позднее 1 декабря. Скорее всего, письма от Пушкина с приглашением приехать в Петербург Пушкин не получал. Ведь поездка Пушкина, да и само восстание были событиями в значительной степени спонтанными.

В воспоминаниях Погодина, Соболевского и Лорера важнейшим и одновременно самым уязвимым является утверждение о желании Пушкина приехать в Петербург до восстания декабристов.

Существует другая версия рассказа о несостоявшейся поездке поэта из Михайловского в Петербург, точно не восходящая к Пушкину и вообще среди современников поэта не бытовавшая. Ее рассказала одна из тригорских барышень, М. И. Осипова, М. И. Семевскому в 1866 г.: «Арсений рассказал, что в Петербурге бунт, всюду разъезды и караулы <...> Пушкин, услыша рассказ Арсения, сильно побледнел. <...> На другой день Пушкин быстро собрался в дорогу и поехал; но доехав до погоста Врева, вернулся назад. Гораздо позднее мы узнали, что он отправился было в Петербург, но на пути заяц три раза перебежал ему дорогу, а при самом отъезде из Михайловского Пушкину попалось навстречу духовное лицо. И кучер, и сам барин сочли это дурным предзнаменованием. Пушкин отложил свою поездку, а между тем подошло известие о начавшихся в столице арестах, что окончательно отбило в нем желание ехать туда»¹⁰. Итак, М. И. Осипова относит намерение поэта посетить Петербург ко времени *сразу после* восстания, что,

конечно, лишает всю историю мистического ореола. В качестве источника сведений Пушкина о волнении в Петербурге она называет не «известие о кончине императора Александра Павловича и о происходивших вследствие оной колебаний по вопросу о престолонаследии», дошедших до Михайловского около 10 декабря, а новости, привезенные из столицы поваром Арсением. Конечно, когда Пушкин услышал о бунте и об арестах, он посчитал для себя необходимым поехать в Петербург, потому что предвидел необходимость многое разъяснить.

2. Второй важный сюжет, который Пушкин распространял в Москве по возвращении из ссылки, касался уничтожения неких стихотворных текстов. А именно речь идет о том, что, когда фельдъегерь неожиданно и, как представлялось поэту, «не на добро» *увозил его из Михайловского, поэт успеваает захватить (или уничтожить) некоторое резко антиправительственное сочинение, отождествляемое со стихотворением «Пророк»*. Этот сюжет вариативен, так сказать, изначально; по версии, изложенной Пушкиным Нащокину, Пушкин успеваает сжечь «Пророка» еще в Михайловском¹¹, тогда как Соболевский со слов поэта утверждает, что «Пророк» приехал в Москву в бумажнике Пушкина¹². Конечно, история Соболевского, как обычно, значительно более драматична; по его словам, выходило, что Пушкин не просто привез в Москву сочинение редкой дерзости, но и выронил его, «к счастью — что не в кабинете императора», а потом нашел¹³. Следовательно, об уничтожении «Пророка» поэт рассказывал Нащокину, а о том, что взял, — Соболевскому, Погодину, Шевыреву, возможно, еще кому-нибудь из круга «Московского вестника», где и было распространено мнение, что Пушкин привез с собой из Михайловского это стихотворение.

Эти различия на самом деле не столь важны, поскольку рассказы Нащокина и Соболевского совпадают в главном: у Пушкина были оппозиционные сочинения, которые могли навлечь на него беду, и только случайность спасла его от этой беды.

Глубинный же смысл обеих версий один и тот же: силы судьбы не просто хранят поэта, как это следует из рассказа о несостоявшейся поездке Пушкина в Петербург, они к тому же не дают разойтись его оппозиционным сочинениям и вообще ограничивают его оппозиционность.

Сюжет о привезенном из Михайловского оппозиционном сочинении имеет еще один позднейший вариант, восходящий к рассказу А. В. Веневитинова (брата поэта): «Являясь в кремлевский дворец, Пушкин имел твердую решимость, в случае неблагоприятного исхода его объяснений с государем, вручить Николаю Павловичу на прощание это стихотворение. Счастливая судьба сберегла для России певца «Онегина», и благосклонный прием государя заставил Пушкина забыть о своем прежнем намерении. Выходя из кабинета вместе с Пушкиным, государь сказал, ласково указывая на него своим приближенным: „Теперь он мой“»¹⁴. Этот рассказ отличается от версий Нащокина и Соболевского тем, что, хотя здесь и упоминается «счастливая судьба», перемены, происшедшие с Пушкиным, объясняются исключительно «благосклонным приемом императора». В отличие от безыскусной версии

М. И. Осиповой, передающей семейное предание, А. Веневитинов передает точку зрения, глубоко укоренившуюся среди современников, прежде всего среди Любомудров, и состоявшую в том, что перемены в умонастроении Пушкина произошли под влиянием беседы с императором, а это было именно то мнение, с которым осенью 1826 года сам Пушкин активно боролся; пуант пушкинских рассказов был иной и состоял в том, что сам он прежний, только судьба его переменялась. Поэтому ясно, что рассказ Веневитинова к Пушкину не восходит и вообще имеет другой смысл, определенный более поздними особенностями восприятия личности поэта, чем это имело место в сентябре 1826 г.

3. Вместе с тем, рассказ А. В. Веневитинова обнажает связь между означенными выше сюжетами и третьим слагаемым «социальной репутации поэта» (термин В. Э. Вацура) — *сюжетом о разговоре с императором 8 сентября 1826 года*.

Поскольку никто, кроме Николая и Пушкина, при этом не присутствовал, а к рассказу императора непосредственно восходит лишь одна версия этого сюжета (М. Корфа; записана была в 1848 г.)¹⁵, все остальные — около тридцати — так или иначе относятся к Пушкину¹⁶. В. Э. Вацура обратил внимание на то, что версии рассказа об этом событии «варьируются, однако не противоречат друг другу»¹⁷.

Представляется возможным привести наиболее нейтральную версию в записи случайной знакомой Пушкина, А. Г. Хомутовой. Трудно определить, имела эта запись дневниковый или мемуарный характер, скорее всего — комбинированный; важно, что она восходит к Пушкину и лишена всякой тенденциозности, для этого, в частности, слова Пушкина передаются в форме прямой речи: «Фельдъегерь внезапно извлек меня из моего непроизвольного уединения, привезя по почте в Москву, прямо в Кремль, и всего в пыли ввел меня в кабинет императора, который сказал мне: „А, здравствуй, Пушкин, доволен ли ты, что возвращен?“ Я отвечал как следовало в подобном случае. Император долго беседовал со мною и спросил меня: „Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял ли бы ты участие в 14 декабря?“ — „Неизбежно, государь, все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за это Небо“. — „Ты довольно шалил, — возразил император, — надеюсь, что теперь ты образумишься и что размолвки у нас впредь не будет. Присылай все, что напишешь, ко мне; отныне я буду твоим цензором“»¹⁸. Бесспорно, Хомутовой Пушкин представил наиболее упрощенную, предназначенную для самого широкого круга версию рассказа о своем счастливом избавлении. В отношении собственного присутствия на Сенатской площади Пушкин дважды употребляет такие выражения, как «неизбежно» и «невозможность отстать», подчеркивая тем самым действие, которое должно было совершиться помимо его воли; в отношении же того, почему это не произошло, еще более строго исключается момент личного участия, благодарность выражается «Небу». Тем самым имплицитно рассказ приобретает еще и провиденциальный характер.

Можно предположить, что сама ситуация неожиданного разговора с Николаем укрепляла Пушкина в уверенности в собственных профетических спо-

собностях, поскольку главное в ней (вызов к императору и разговор с ним с глазу на глаз) было предсказано Пушкиным в 1824 г. в тексте, условно названном «Воображаемый разговор с Александром I»: «Когда б я был царь, то позвал бы А<лександра> П<ушкина> и сказал ему: «А<лександр> С<ергеевич>, вы прекрасно сочиняете стихи...» (XI, 23). Однако сюжетное сходство между двумя разговорами на этом заканчивается. Можно сказать, что пушкинские рассказы о свидании с императором Николаем строятся по контрасту с «Воображаемым разговором» с императором Александром. Разговаривая с Николаем, Пушкин как бы учел уроки «воображаемого разговора» с Александром, который кончился нехорошо: «Тут бы П<ушкин> разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал бы его в Сибирь, где бы он написал поэму Ермак или Кочум русским размером с рифмами» (Там же, 24). Совсем иначе, царственно и благородно, а главное чрезвычайно благоприятно для Пушкина завершается его разговор с императором Николаем: «Надеюсь, что теперь ты образумишься и что размолвки у нас впредь не будет»¹⁹.

Вместе с тем важнейшей своей темой «оправдания в глазах императора в произведениях, которые ложно приписываются поэту» «Воображаемый разговор» был связан с реальным: «Ваше величество, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение противузаконное приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову. От дурных стихов не отказываюсь, надеясь на добрую славу своего имени, а от хороших признаюсь, и силы нет отказываться» (Там же). Так легковесно и безуспешно Пушкин пытается оправдаться перед императором Александром. Разговор с императором Николаем тоже содержал в себя момент оправдания, но Пушкин не рассказывал об этом современникам в своих устных новеллах. Мы знаем об этом из редких источников, одним из которых является письмо Вяземского А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому из Москвы в Германию 20 сентября 1826 г., описывающего свидание Пушкина с императором: «Пушкин здесь и на свободе. Вследствие ли письма его к Государю, или доноса на него, или вследствие того и другого Государь посылал за ним фельдъегеря в деревню, принял его у себя в кабинете, говорил с ним умно и ласково и поздравил его с волею. Отрывки из его Элегии Шенье, не пропущенные Цензурой, кем-то были подогреты и пущены по свету под именем 14-го Декабря. Несколько молодых офицеров сделались жертвою этого подлога, сидели в заточении и разосланы по полкам <...> Государь обещался сам быть его Цензором. Вот и это хорошо! Какое противоречие! Государь, или Правительство может давать привилегии в ущерб казне, но как давать привилегии в ущерб нравственности народной? Одно из двух: или Цензура притеснительна, тогда отмени ее, или она истинный страж, не пропускающий заразы, и тогда как можно давать кому-нибудь право миновать его»²⁰.

Фактически Вяземский имеет в виду именно то, что Пушкин целенаправленно скрывал от современников: обретенная поэтом в результате разговора с Николаем свобода была следствием данных поэтом объяснений по поводу не пропущенных цензурой строф «Андрея Шенье», ходивших в обществе в виде отдельного списка, озаглавленного «На 14 Декабря». Характерно, что в дальнейшем это осталось неизвестным большинству не только современников, но и

позднейших исследователей. В научный оборот (без ссылки на приведенное нами письмо Вяземского, опубликованное позже) точку зрения о том, что Пушкин оправдывался перед царем относительно «Шенье», ввел П. Е. Щеголев²¹, но она как-то не прижилась и в классическую биографию Пушкина пера Ю. М. Лотмана не вошла²². Н. Я. Эйдельман разделял позицию Щеголева²³.

В связи с этим встает вопрос о том, почему Пушкина все-таки привлекли к следствию об «Андрее Шенье» в начале 1827 г.? Неужели данных им императору в сентябре 1826 г. объяснений оказалось недостаточно? Причина, на наш взгляд, заключается в неосторожном поведении самого Пушкина, читавшего не пропущенные цензурой строфы как отдельное стихотворение уже после разговора с царем в сентябре — октябре 1826 г. Именно эти строфы «Шенье» были ошибочно приняты «любомудрами» за стихотворение «Пророк»²⁴.

Из сказанного понятно, какое большое значение поэт придавал своему пророческому дару и насколько важно было для него, в качестве демонстрации этого дара, читать публике не пропущенные цензурой строфы «Шенье», где поэт предсказал смерть своего гонителя — императора Александра и по поводу каковых Пушкин восклицал: «Я пророк, ей богу, пророк». Трудно отказаться от мысли, что написанный за два года до разговора с императором Николаем «Воображаемый разговор с императором Александром» также укреплял Пушкина в этом ощущении.

Осенью 1826 г. происходят кардинальные изменения в представлениях поэта о судьбе, которая еще незадолго до переломного сентября виделась ему «огромной обезьяной, которой дана полная воля» (письмо П. А. Вяземскому не позднее 24 мая 1826 года — XIII, 182). «Игре счастья», понимаемого как немотивированное (т.е. не зависящее от воли человека) проявление слепых сил судьбы («Но злобно мной играет счастье: / Давно без крова я ношусь, / Куда подует самовластье; / Уснув, не знаю, где проснусь» («К Языкову». — II, 322), противопоставлено «счастье» («Теперь должно начаться счастье», — признается Пушкин Д. Веневитинову 11 сентября 1826 года²⁵). В этом смысловом контексте «счастье» становится синонимом слова «Провидение», а случаи (не один и не два, а целая цепь), спасшие поэта и подарившие ему свободу, понимаются Пушкиным как «мощное, мгновенное орудие Провидения» (Об «Истории русского народа» Н. А. Полевого — XI, 127). В этом и состоит смысл распространяемых поэтом рассказов о своем счастливом избавлении. Пушкин уверяется сам и пытается уверить в этом современников, что только воле Провидения, наделившего его пророческим даром, он обязан своему спасению «в общей буре».

Возможно, это свидетельствует о новом качестве религиозности поэта; но эта тема иного, очень осторожного разговора.

Примечания

- ¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: АН СССР, 1937. Т. XIII. С. 291. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием в скобках тома и страницы.
- ² Александр Сергеевич Пушкин, новые материалы к его биографии: 1826—1836 гг. // Русская старина. 1874. Август. С. 691.

- ³ Письмо А. А. Дельвига П. А. Осиповой из Петербурга от 15 сентября 1826 года (Дельвиг А. А. Сочинения. Л., 1986. С. 319).
- ⁴ См. об этом: Модзалевский Б. Л. К истории ссылки Пушкина в Михайловское // Б. Л. Модзалевский. Пушкин. М., 1999. С. 72.
- ⁵ Погодин М. П. Простая речь о мудреных вещах. М., 1875. С. 24.
- ⁶ Вяземский П. А. Письмо к Я. К. Гроту // Грот К. Я. Пушкинский Лицей. СПб., 1998. С. 139.
- ⁷ Соболевский С. А. Таинственные приметы в жизни Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 10–11.
- ⁸ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 204.
- ⁹ См.: Мироненко М. П., Мироненко С. В. Декабрист Иван Пуцун // И. И. Пуцун. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 17.
- ¹⁰ М. И. Осипова. Рассказы о Пушкине, записанные М. И. Семеvским // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1. С. 431.
- ¹¹ Рассказ П. В. Нащокина, записанный П. И. Бартеvевым // П. И. Бартеvев. Рассказы о Пушкине. М., 1992. С. 350.
- ¹² Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеvевым в 1851–1860 гг. М., 1925. С. 34.
- ¹³ Соболевский С. А. Квартира Пушкина в Москве // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 12.
- ¹⁴ Цит. по: Пятковский А. П. Пушкин в Кремлевском дворце // Русская старина. 1880. Т. 27. С. 674.
- ¹⁵ Корф М. А. Дневник // Русская старина. 1899. Август. С. 310.
- ¹⁶ См. об этом: Эйдельман Н. Я. Сентябрь 1826-го // Н. Я. Эйдельман. Пушкин. Из биографии и творчества. М., 1987. С. 23.
- ¹⁷ Вацуро В. Э. Пушкин в сознании современников // Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 11.
- ¹⁸ Цит. по: Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Переписка Александра Ивановича Тургенева с Петром Андреевичем Вяземским. Пг., 1921. С. 42–43.
- ²¹ Щеголев П. Е. Император Николай I и Пушкин в 1826 году // П. Е. Щеголев. Первенцы русской свободы. М., 1987. С. 332–333.
- ²² Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. СПб., 1995. С. 113.
- ²³ См.: Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 29. Другой точки зрения придерживается В. М. Есипов (см.: Есипов В. М. «К убийце гнусному явись...» // Московский пушкинист. М., 1998. С. 128–129).
- ²⁴ См. об этом: Немировский И. В. О Пророке и «Пророке» // Русская литература. 2001. № 3. С. 6–8.
- ²⁵ См.: Погодин М. П. Из «Дневника» // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 18.

Тартуский университет
Кафедра русской литературы
Кафедра семиотики

Российский государственный гуманитарный университет
Институт высших гуманитарных исследований

ЛОТМАНОВСКИЙ СБОРНИК

3

О·Г·И
Москва 2004